

Русский просветитель

Сегодня в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в пятнадцатый раз открываются Дни науки, приуроченные к празднику славянской письменности. В числе их инициаторов в начале 1990-х годов был Дмитрий Сергеевич Лихачев. С 2001 года, в соответствии с указом президента РФ В. В. Путина, этот крупнейший научный форум гуманитариев страны получил статус Международных Лихачевских научных чтений. Бессменным организатором майских встреч ученых в СПбГУ все это время является профессор А. С. Запесоцкий, с фрагментом новой книги которого «Культурология Дмитрия Лихачева», готовящейся к выпуску в издательстве «Наука», мы знакомим читателей.

Основываясь на знании и нравственности

Только теперь мы по-настоящему почувствовали, как нам Его не хватает. Теперь, когда с лица городской земли вновь стираются памятники архитектуры, когда на месте любимых людьми скверов и фонтанов плодятся бетонные бункеры для нубориши и омерзительные высотные монстры начинают нависать над Невой. Нам не хватает его негромкого голоса именно сейчас, когда стариков лишают возможности видеться с внуками, выбрасывая сотни километров трамвайных путей, когда в освобожденных от фашизма странах глумятся над останками российских воинов, а страна не находит иного ответа, кроме подросткового кулигансства «наших»... Что делать? Ему верили, когда он отвечал на этот вопрос, потому что за лихачевскими ответами не стояли корысть, властолюбие, жажда дешевой популярности или благосклонности начальства. Его мнение основывалось на Знании и Нравственности.

В то время когда ажиотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили едва ли не все общество, Лихачев сделал скромность быта одной из принципиальных черт своего стиля жизни. «Он не был аскетом, любил удобства, комфорт, — вспоминает Даниил Гранин, — но не считал для себя возможным пользоваться этим, особенно в наше время». Природа, памятники культуры, русский язык — вот те ценности, которые были ему дороги. Один из активистов общественного движения в защиту культуры М. Г. Талалаев впоследствии вспоминал: «Красный томик Лихачева со статьями о русской культуре, ходивший по рукам, был изредка потерян: надобно было писать множество гоззаний, ображений, и за верным выражением часто обращались к сосновополагающей статье».

Против губительных проектов

Борясь со злом, Дмитрий Сергеевич просвещал. По существу, просвещение стало частью образа жизни Д. С. Лихачева. В ряде случаев эта миссия реализовала-

лась в ходе конфликта с властями, когда ученым боролись с губительными для культуры невежественными решениями. В 1960-е годы учиновников возникла идея перестройки Невского проспекта. Нижние этажи всех домов предлагалось соединить в одну общую витрину («как за рубежом»), перепланировать пространство, сделать его пешеходной зоной. Дмитрий Сергеевич выступил с речью. По мнению очевидцев, это была блестящая речь. Он доказал, что перестройка Невского губительна для всего образа города. Позднее, уже в постсоветское время, то же самое произошло, когда новоявленные богачи предлагали поставить небоскреб на Васильевском острове. Кстати, он тогда дал ответы и на все невежественные аргументы сегодняшних любителей высотного строительства...

Типичный пример: оппонируя авторам проекта «реконструкции» Екатерининского парка, Лихачев писал, что этот проект губителен и беспомощен даже с чисто архитектурной точки зрения, что нельзя и бессмыслисто возвращать парк к одному какому-либо периоду: петровскому, елизаветинскому, екатерининскому. Ибо в итоге утрачивается то, что академик называл «мемориальной достоверностью». Подобных его поступков — множество.

Добиваться успеха удавалось не всегда. Дмитрий Сергеевич с болью рассказывал об ущербе, нанесенном Невскому проспекту: «Портик Руска очень важен именно на этом месте, потому что он прямой перспективой связан с портиком Русского музея, что в этом и был градостроительный замысел Руска. Через некоторое время портик Руска был разрушен (под предлогом строительства станции метро). — Прим. авт.), а на все последующие недомумения главный архитектор отвечал: «А мы его и не разрушали. Мы его разобрали, мы его и восстановим». И действительно — восстановили... Внешне он как будто бы такой же, а все-таки колонны не те. Кроме того, портик отнесен на несколько метров назад, и это уже меняет перспективу: исчезло противостояние Русскому музею. Вторжение в сложившийся ар-

хитектурный ансамбль нанесло ущерб Невскому проспекту. Вроде бы горький опыт должен был научить нас бережно относиться к культуре прошлого, к природе, беречь малый мир и большой мир, в которых мы живем и которые теснейшим образом взаимосвязаны. И вроде бы он чему-то научил нас... Но — научил ли?

К концу 1960-х годов профessionальные достижения

Д. С. Лихачева превратили его из бывшего арестанта и «неблагонадежного элемента» в крупную общественную величину: дважды лауреат Государственной премии СССР, академик РАН, почетный доктор Оксфорда, депутат Ленсовета... Все возможности, открывшиеся этим положением, он использовал не на личное благо. Близкие вспоминали, что постепенно он «выпрыгнул во весь рост», стал самим собой — появилась возможность свободного проявления его личных человеческих качеств. Даниил Гранин сравнивал ученого с Сизифом, продлавшим толкать свою камень. Иногда академик говорил ему: «Даже в случаях тупиков, когда все глухо, когда вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмачивайтесь, выступайте. Я заявляю себя выступать, чтобы языки прозвучали хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились». В силу специфики профессии слова для Дмитрия Сергеевича было делом. И делалось оно на совесть.

Однако даже в благодушные для России годы «оттепели» и застоя отставание своих принципов, противодействие власти не было безопасным. Лихачева трижды проповедовали при избрании в академию. За отказом подписать организованное властями письмо против А. Д. Сахарова последовало избиение в парандже своего дома, обернувшееся сломанными ребрами. «Слишком очевидными доказательствами угрозы, подступившей из кромешной тьмы, были в свое время и гибель дочери, и приключившееся тогда же нападение неизвестного на него самого», — пишет Сергей Аверинцев.

Объединяя разные идеи

Интересно, что практическая направленность просветительской деятельности была характерна для Д. С. Лихачева с ранних шагов в науке. Осенью 1942 года вышла книга, написанная им в соавторстве с археологом М. А. Тихоновой для солдат, находящихся в окопах. Ученый вспоминал: «В Смольном густо пахло столовой. Люди имели сырый вид. Нас принял женщина. Она была полной, здоровой. А у меня дрожали ноги от подъема по лестнице. Книгу она заказывала нам с каким-то феноменально быстрым сроком. Мы согласились. И в мае (1942 г. — Прим. авт.) наша книжка «Оборона древнерусских городов» была готова. Писалось, помню, хорошо — дистрофия на работе мозга не сказывалась».

Однако значение лихачевского просветительства дале-

ко не исчерпывалось масштабом его фигуры крупного ученого и личной самоотверженности. Был и иной секрет влияния Дмитрия Сергеевича на общество. Наши исследования показывают, что академик, по существу, открыл новый этап данного вида деятельности — просветительство эпохи глобальной культуры. Ему удалось объединить разные по исторической и культурной принадлежности идеи, интегрировать рационализм европейской просветительской школы и яркую нравственную ориентацию отечественного просветительства. Дмитрий Сергеевич к тому же сочетал научно-популярное просветительство с духовно-нравственным. Вряд ли он делал это специально, скорее — интуитивно, мобилизув свой потенциал на решение задач, выдвигаемых жизнью. Но он это сделал. Просто так сложилось, что Петербург в его лице сформировал выдающегося представителя своей культуры.

Для классического европейского просветительства характерен примат ценностного над познавательным, а высшим ценностным критерием для Просвещения стал человек, его природа, благо, счастье. Это светская деятельность. Отечественная же традиция просветительства была связана первоначально с проповеднической деятельностью. Русская идея личности заключалась в обожествлении человека и мира, воззвании личности, признании ее духовного величия. Известно, что в своей культурно-просветительской истории русский мир освоил опыт двух типов просвещения: религиозного и светского — научно-философского. Оба типа то обогащали друг друга, то конкурировали. По существу, академик взял лучшее от обоих.

Сам Дмитрий Сергеевич не считал себя проповедником. Но наш анализ показал, что Д. С. Лихачеву все же довелось стать просветителем особого типа: просветителем-проповедником. И в этом еще одна особенность лихачевского просветительства. За отказом подписать организованное властями письмо против А. Д. Сахарова последовало избиение в парандже своего дома, обернувшееся сломанными ребрами. «Слишком очевидными доказательствами угрозы, подступившей из кромешной тьмы, были в свое время и гибель дочери, и приключившееся тогда же нападение неизвестного на него самого», — пишет Сергей Аверинцев.

Объединяя разные идеи

Интересно, что практическая направленность просветительской деятельности была

характерна для Д. С. Лихачева с ранних шагов в науке. Осенью 1942 года вышла книга, написанная им в соавторстве с археологом М. А. Тихоновой для солдат, находящихся в окопах. Ученый вспоминал: «В Смольном густо пахло столовой. Люди имели сырый вид. Нас принял женщина. Она была полной, здоровой. А у меня дрожали ноги от подъема по лестнице. Книгу она заказывала нам с каким-то феноменально быстрым сроком. Мы согласились. И в мае (1942 г. — Прим. авт.) наша книжка «Оборона древнерусских городов» была готова. Писалось, помню, хорошо — дистрофия на работе мозга не сказывалась».

Однако значение лихачевского просветительства дале-

ре формализации культурной жизни общества данная традиция была во многом утеряна. Даже на центральном телевидении стали редкостью просто хорошие рассказчики, не говоря уже о проповедниках. Выступления мастеров живого слова уровня Ираклия Андроникова представляли собой исключение из правила. Лихачев вернул русскому просветительству эмоциональность и убедительность проповеди, доверие к Слову, основательно подорванное в предшествующие десятилетия об юркотивавшимися идеологическими структурами, официозной газетно-журнальной пропагандой, зачитываемыми свои выступления по бумажке «вождями» и «лекторами» разного толка. Д. С. Лихачев вернул просветительству реальную силу, воздействующую на умы и души сограждан. Мировую славу и

своего рода «интеллектуальным бестселлером» для интеллигенции, потому что он был прекрасно написан.

Связь всех связей

Манера письма, стиль в немалой степени способствовали популяризации идей Дмитрия Сергеевича. Об этом хорошо пишет философ А. А. Гусейнов в комментариях к избранным трудам Д. С. Лихачева по русской и мировой культуре, отмечая ясность языка, свободную, эссеистскую манеру рассуждения: «Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, к конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходя от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет необязательную беседу. Вся эта мозаика, на первый взгляд, случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную

оценке и рассматривалась в контексте Добра и Зла: не просто Разум, а добрый Разум, не просто знание и освещение, а знание ради добра, знание, несущее в себе ценностную компоненту. Закономерно, что одна из его главных книг называется «Письма о добром».

Удивительно, что будучи исключительно скромным человеком, Дмитрий Сергеевич невольно создал свой словесный автопортрет. Это произошло, когда судьба предоставила ему скорую возможность высказать, что его привлекало в А. Д. Сахарове — на митинге, посвященном кончине Андрея Дмитриевича. В газетах обычно неуместны длинные цитаты, но в данном случае дело того стоит: «Один праведник может оправдать существование целого народа. Он спас и сохранил наши честь и достоинство. Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну. В сущности, Сахаров никогда не стремился гордиться оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенное, естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они, высказанные вслух, становились открытыми».

Александр Сергеевич Запесоцкий, доктор культурологических наук, профессор, член-корр. Российской академии образования, заслуженный деятель науки России, ректор СПбГУ. Почетный доктор Ливийского университета (США), Американского университета в Дублине (Ирландия), академик Академии наук и искусства (Париж), автор около 900 научных и публицистических работ по проблемам культуры, образцовщины, социальной и молодежной политики. В числе наиболее известных — книги: «Эта непонятная молодежь...» (М., 1990), «Образование, философия, культура, политика» (М., 2002), «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог» (СПб., 2006) и др. С.Д. С.Лихачевым сотрудничал с 1992 года до ухода академика из жизни. Автор свыше 50 публикаций о научном и нравственном наследии академика в журналах: «Вестник РАН», «Вопросы философии», «Вопросы литературы», «Отечественная история», «Вопросы культурыологии», «Человек», «Педагогика», «Огонек», «Москва», «Нева», «Наука и жизнь», «Межкультурная жизнь» и др.

известность Дмитрия Сергеевича составили не только научная деятельность и защита памятников истории и культуры, но и этическая проповедь в средствах массовой информации, принесшая ему доверие, популярность и авторитет.

Интереснейшим предметом для обсуждения является просветительский стиль, своего рода индивидуальный почерк Дмитрия Сергеевича. Для него был характерен синтез научных и просветительских начал, когда знание выступает одновременно и как результат научных исканий Истины, и как потребность донести ее до массового сознания. Характерно, что его знаменитая

картина, организованную вокруг определенной идеи, в результате чего последняя предстает не в голом виде последовательного логического рассуждения, а в качестве одухотворяющей основы самой жизни. Лихачев говорит вещи, которые не могут не волновать думающего человека, интересующегося русской культурой. И говорит так, словно хочет прояснить читателю то, что тот сам смутно чувствует. И задача читателя в этом случае скорее распознать истину, чем узнать ее».

К русскому языку Лихачев относился трепетно, стремясь передать это отношение своей аудитории: «Самая большая ценность народа — язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять до конца, во всей многообразности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык».

Бедность языка, языковая

был его личным идеалом просветителя. И он сам, как никто другой, наилучшим образом соответствовал этому идеалу.

Тепло живой человечности

Следует отметить, что Д. С. Лихачеву безусловно принадлежит особое, уникальное, место в истории мировой просветительской деятельности. С одной стороны, он продолжил линию таких классиков западноевропейского Просвещения, как Локк, Вольтер, Монтескье, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Руссо и др. В России крупнейшим представителем подобного рода до Лихачева был поздний (после 1848 г.) Герцен. С другой — Дмитрий Сергеевич продолжил традиции Сергея Радонежского и его единомышленников. Отечественное просвещение всегда сопровождалось мучительными духовными поисками и было согрето теплом живой человечности. Знание в этой традиции подвергалось нравственной

оценке и рассматривалась в контексте Добра и Зла: не просто Разум, а добрый Разум, не просто знание и освещение, а знание ради добра, знание, несущее в себе ценностную компоненту. Закономерно, что одна из его главных книг называется «Письма о добром». Уход его из жизни — это множественная утрата для общества. Но, думается, наиболее болезненно страна ощущает сегодня отсутствие просветителя Лихачевского масштаба.

